

Визуальная документация колоколов, эвакуированных вглубь России в 1914–1923 годах

Цель статьи — представить богатство техник и средств, использованных для составления визуальной документации колоколов, а также показать плементарность иконографического материала словесному описанию.

Может показаться, что благодаря стандартному характеру этого типа предметов легко сформировать простые схемы составления документации. Однако, учитывая их материальную форму (вес, размер, трехмерность), недоступность, а также характерные знаки, такие как надписи, гербы и прочие плакетки (требующие широких знаний от лица, ведущего регистрацию), колокола оказались для ученых довольно большим вызовом, и о них как о предмете исследований очень долго умалчивалось не только на польских землях, но и в Европе¹. Начало Первой мировой войны, когда на всех фронтах по приказам командиров воюющих армий массово и систематически снимались колокола

¹ Szydlowski T. Dzwony starodawne przed r. 1600 na obszarze b. Galicji, Kraków 1922. S. IV–VI. Проблемы и потребности визуальной документации не замечал также автор первой на русском языке работы, касающейся колоколов: Оловянининых Н. И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912. Другая ситуация была в немецкоязычных государствах, хотя и здесь управления по реставрации встречались со многими ограничениями и не разработали единого набора методов документирования, в частности, примеры способов документирования колоколов для территорий, частично охваченных позднейшей эвакуацией этих памятников искусства и старины в Россию, предложил: Schmid B. Erhaltung alter Kirchenglocken, Denkmalpflege in der Provinz Westpreussen 1913. Danzig, 1914; idem, Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Westpreussen, Bd. 3, Danzig, 1906; см. также: Jenny S. Inschriften und Verzierungen auf Glocken in Vorarlberg und Liechtenstein, w: Mitteilungen der kaiserlich-königlichen Zentralkommission zur Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale, Wien, 1895. S. 139–145, 230–245.

с целью использования ценного материала для производства снарядов или чтобы не дать воспользоваться ими врагу, стало важным импульсом для начала организованных исследований и инвентаризации колоколов².

История военного дела до тех пор не знала такого огромного спроса на высококачественные металлы и, конечно, не отметила проведения логистически сложной акции описи, концентрации и перемещения десятков, а может и сотен тысяч колоколов. В России, скорее всего, дело было в том, чтобы не дать возможности вражеским армиям захватить стратегический материал, такой как бронза, колокольная медь и прочие металлы. Планировалась эвакуация таких объектов на территории, не охваченные военными действиями, с возможностью их возвращения своим владельцам после их прекращения.

Реквизиции колоколов в районе Варшавы в 1915 г.
Обложка журнала «Огонек». 1915. № 33

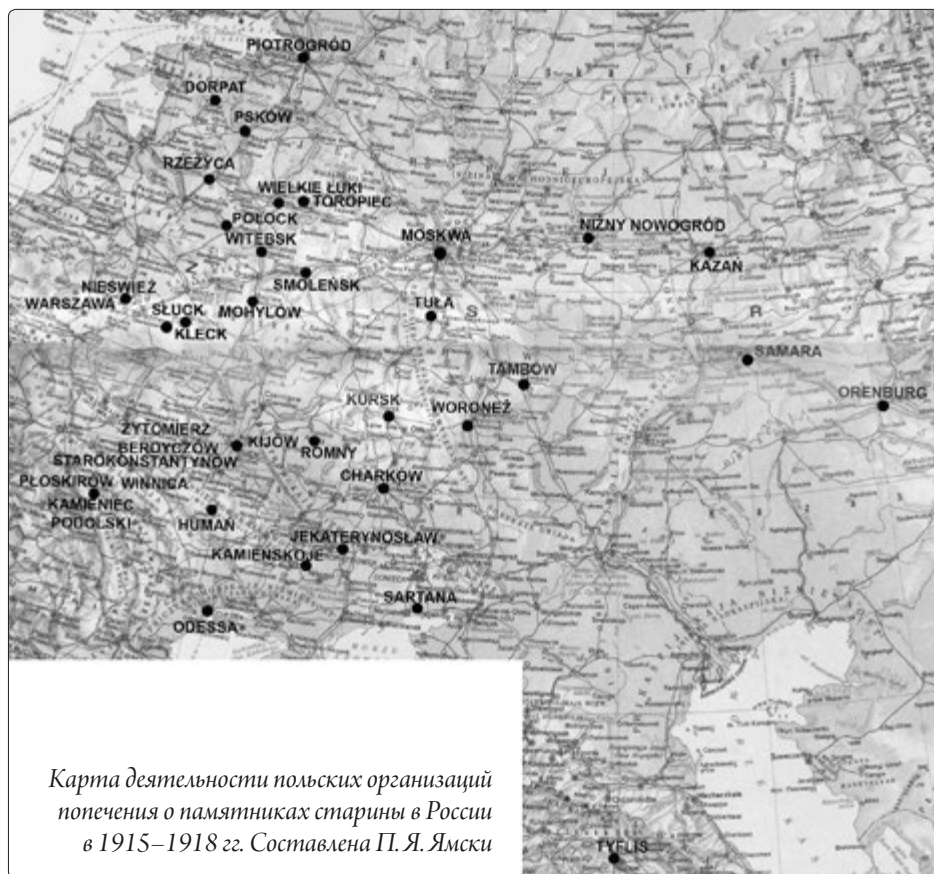
² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) F 5115, оп. 2, № 22, л. 26, л. 43, Черновик письма от 9.12.1915 [отправленного], в Москве отделом попечения об эвакуированной собственности и памятниках искусства, адресованного, вероятно, епископу Яну Цепяку. Отдел старался еще в конце 1915 г. получить согласие от властей Католической церкви на работы, связанные с регистрацией ее собственности (колокола оставались в церковной собственности). Как утверждалось, дело было в том, чтобы «собрать надписи для историков, иногда являющиеся бесценными документами и снять фотографии с декоративных орнаментов и рельефов». В то же время российская администрация одобрила предложение Польского комитета (подготовленное вышеуказанным Отделом) охватить попечением все транспорты произведений искусства и старины, эвакуированных с территорий военных действий.

О широкой подготовке к эвакуации в военных кругах говорилось уже в начале 1915 г., когда составлялись ее подробные планы. Католический епископ Ян Цепляк, резидент в Петербурге, направил 21 июня 1915 г. царскому правительству записку по поводу этого национального сокровища: «...будут ли эти колокола переплавлены на снаряды? В ответ получил официальное заверение от Комиссии обороны, что церковное имущество не будет реквизироваться, и лишь поломанные куски меди будут использованы Правительством», а акция продиктована опасностью захвата этих земель врагом, который, «изготавливая из меди этих колоколов снаряды, сможет убивать наших сыновей, братьев и прочих родственников».

Несколькими днями позднее началась массовая акция по снятию, концентрации и вывозу железнодорожным транспортом в направлении Москвы, Петербурга, Курска и других промышленных центров цветных металлов. На Виленском примере можно сказать, что в те дни командующий в этом районе генерал-майор Чернявский дал приказ № 5660 о предоставлении всех колоколов российской армии. Ссылаясь на приказы главного командира Северо-Западного фронта, приказал Губернскому архитектору и городскому инженеру в Вильне провести снятие и временное обеспечение сохранности колоколов. Апостольский протонотарий и администратор Виленской епархии Казимеж Михалкевич пытался добиться отмены приказов, отправляя телеграмму Верховному Главнокомандующему российской армии его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу через Губернатора Ковенского Петра Веревкина с просьбой оставить колокола в католических костелах, как это было в Варшаве.

Через несколько дней поступил отрицательный ответ, и 21 августа началось официальное систематическое снятие колоколов. Работами в Вильне руководили губернский архитектор Александр Александрович Шпаковский и инженер Евгений Александрович Рафаловский. Эффективность работ зависела от оперативности помогающих им военных отрядов и силы сопротивления прихожан и духовенства. Официальный акт, в котором определялась стоимость депозита, составлялся тогда в двух экземплярах.

Месяц позднее колокола с сопровождением были вывезены на поезде в Москву. Учитывая их высокую материальную ценность, начальник железнодорожной станции разрешил, чтобы транспорты сопровождались двумя прихожанами. Во многих случаях препятствием для исполнения приказа стали молниеносно продвигающийся на восток фронт и несуразность действий

Карта деятельности польских организаций попечения о памятниках старины в России в 1915–1918 гг. Составлена П. Я. Ямски

российской стороны, например, около 40 % инструментов с территории Вильны вообще не подверглись реквизиции, так как были спрятаны. Десятки тысяч колоколов были лишены языков, тысячи колоколен были лишены литургического смысла существования, у миллионов верующих была отнята исключительно важная часть их ежедневной и неизменной от поколения к поколению жизни.

На территориях, находящихся в подчинении трех захватчиков, поляки, занятые при эвакуации колоколов, и любители культуры организовали легальные акции: описывали эвакуированные колокола так, чтобы потом, ссылаясь на юридические распоряжения, было бы проще обратиться за их возвращением или возмещением ущерба. В связи с количеством инструментов, организационными недостатками и обширностью территорий, на которых они были размещены, наиболее трудно было организовать такую акцию в России. Инициатором описи колоколов и обеспечения охраны складов с ними (им ведь угрожали кре-

Главные склады колоколов, эвакуированных с польских земель в 1914–1921 гг.
Составлена П. Я. Ямски

стьянские и революционные мятежи) был действующий с 1908 г. петербургский кружок варшавского Общества попечения о памятниках старины.

С самого начала Первой мировой войны его активность набрала стремительную силу, а в 1915 г. присоединился к нему динамичный Одел попечения о памятниках искусства и старины, созданный польскими военнопленными и живущими постоянно в Москве поляками при Польском комитете в Москве. С этого момента деятельность этих двух независимых друг от друга учреждений, сотрудничавших также с несколькими десятками похожих организаций, была направлена не только на регистрацию и поиск предметов, вывезенных Россией в течение более ста лет, но также и огромного количества польских культурных и исторических ценностей, эвакуированных вглубь России с территорий тогдашних военных действий. Это были как институциональные собрания, церковная собственность, так и частная собственность. Используя замешательство, возникшее в результате очень сложного политико-экономического положения, а также знакомства на местах, надо было вторгаться в трудно-

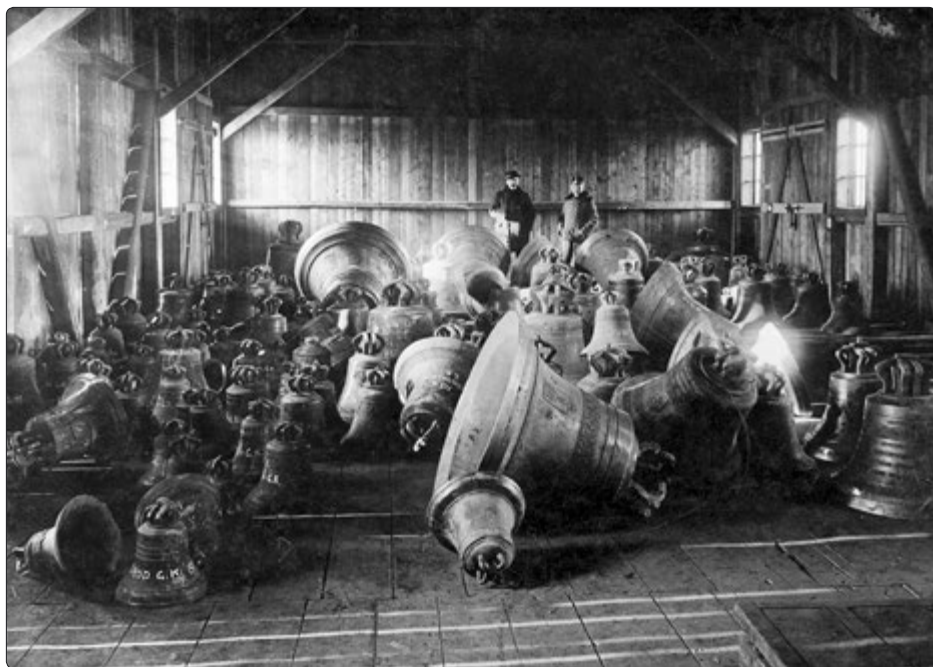
Колокола, подготовленные к вывозу вглубь России. Люблин. 1915. Варшава, IS PAN

доступные до того времени библиотечные или музейные склады, мастерские по реставрации памятников старины, а порой даже в частные собрания и искать следы, свидетельствующие о польском происхождении памятников искусства и старины. Надо было контролировать железнодорожный транспорт, склады, часто разбросанные по наиболее отдаленным уголкам страны, и подготавливать склады, в которых можно было бы складировать и обеспечивать сохранность полученных от властей ящиков с произведениями искусства и культуры, чтобы после окончания войны вернуть законным владельцам.

Деятели Отделов попечения о памятниках старины прекрасно отдавали себе отчет в том, что найти произведения — это лишь первый шаг, что следует их описать, задокументировать и получить подтверждение властей по месту их хранения. Эта документация должна быть важным основанием для последующих претензий о реституции, помочь при идентификации места происхождения и владельца, а в случае уничтожения или утери произведений — оказаться следом их существования и основанием для претензий о возмещении ущерба.

В годы мирового конфликта региональные реставраторы памятников старины, церковные власти или общественные организации по защите памятников старины проводили широкие акции по их документированию³.

³ Историю эвакуации колоколов и подготовку польской стороной проектов мер по их обеспечению кратко представили: *Manikowska E., Jamski P.*, Ewakuacja dzwonyw polskich w głąb Rosji w czasie I wojny światowej // *Odlewnictwo w Polsce. Materiały z VII Sesji Na-*

*Один из колокольных складов, организованных в районе Львова. 1916. Варшава, IS PAN.
№ R43976*

Настоящая статья является исследованием одного случая: крупной акции по документированию «польских» католических и греко-католических (униатских) колоколов, снятых на территориях восточного фронта российской армией, вывезенных вглубь страны и размещенных по многочисленным военным складам и железнодорожным станциям, в частности в Москве, Петербурге, Курске, Нижнем Новгороде, Самаре.

Целью польских организаций, обнаруживших отсутствие контроля государства за ходом акций по эвакуации колоколов, было определение места нахождения и наведение порядка по объектам таким образом, чтобы после завершения военных действий они могли вернуться на место происхождения. Старались также использовать эту возможность для описания как можно большего количества ценных (по историческим, музыкальным и художественным соображениям) инструментов, находящихся в постоянной опасности утери и переплавки. Инициаторами проекта были выдающиеся искусствоведы и люди, осуществлявшие тогда активную опеку за памятниками культуры

ukowej z cyklu *Rzemiosło artystyczne i wzornictwo w Polsce*. Wyd. K. Kluczwajd. Toruń, 2007. S. 191–200.

Хенрик Дроздовский при регистрированном колоколе в Постоянно действующем Куратории по спасению Колоколов в Курске. Лето 1916. ГАРФ. F 5151. Оп. 2. Д. 48

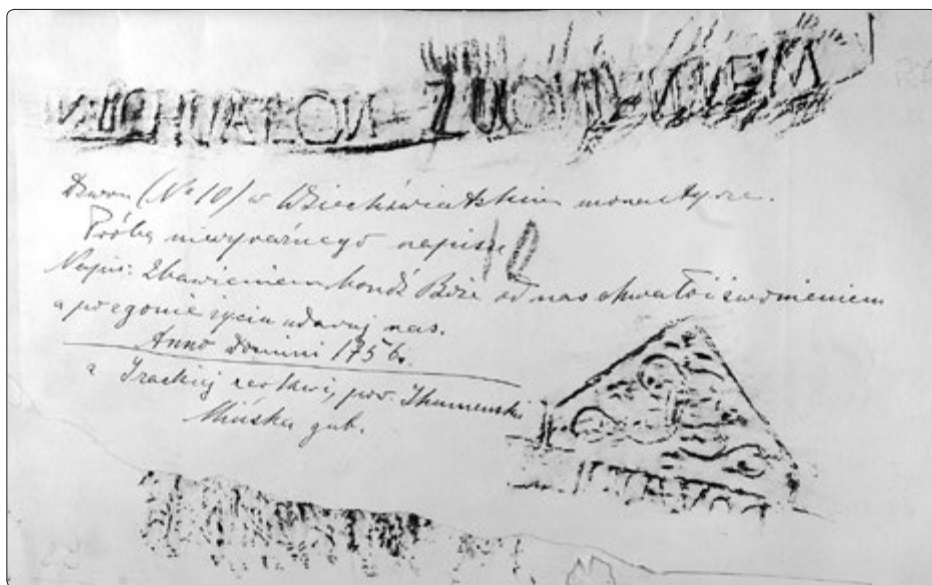

Кароль Бадецкий при изготовлении отпечатков надписей. Львов (?). Осень 1915. Львов, Библиотека Стефаника. Ф-138. Оп. 1. Д. 30

(в частности, Мариан Морелевский, Юзефат Жискар, Теофиль Висневский, Александр Боравский), которые работали в рамках действующих на территории европейской части России многочисленных организаций попечения о памятниках польского искусства и культуры, и для которых было ясно, что инвентаризационную акцию следует использовать также для проведения исследования истории колоколотейного дела в Польше. Необходимым ее элементом было выполнение визуальной документации колоколов, которая не только должна была служить позднейшей реституции, но также являться важным источником, пригодным для будущих исследований. Поэтому проводились также поиски объектов, вывезенных на территорию России в прежние века и находящихся в православных монастырях или музейных складах.

ИНСТРУКЦИЯ И РЕГИСТРАЦИОННЫЙ БЛАНК-СХЕМА ОПИСАНИЯ КОЛОКОЛОВ

Общественные организации попечения о памятниках польского искусства и старины, действующие на прифронтовых территориях и на тер-

Опись и рисуночная копия колокола, изготовленные в Москве. 1915. Вильнюс. Ф-1135.
Оп. 21. Д. 494

ритории России, назначили себе одной из главных целей описание и регистрирование любых ценных объектов, связанных с польской культурой и находящихся под угрозой пропажи в результате военных действий, революционных и крестьянских мятежей. Эти инициативы тщательно готовились. Инициаторы всегда старались разработать простую и единую документационную схему, которой должны пользоваться направленные на места делегаты и члены организаций. Поэтому после периода первоначальных разрозненных действий отдельных учреждений дошло до подготовки общих для всех организаций рекомендаций по инвентаризации разного типа объектов, в частности, печатных изданий, рукописей, колоколов, картин, кунтушных поясов, архитектурных памятников.

Инструкция по описанию колоколов (окончательно сформулированная предположительно во втором квартале 1917 г.), основанная на опыте работы на местах Хенрика Дроздовского, Станислава Висьневского, а прежде всего ксендза Жискара, была обогащена элементами, почерпнутыми из инвентарных музейных карточек. Перед ее формулированием и распространением знания о способах регистрации передавались устно, что важно. Лица, участвующие в инвентаризации, чаще всего не имевшие опыта и компетентных знаний, всегда проходили обучение. Обучение проводил Жискара в течение одного дня, а затем производил нечто вроде практического экзамена: «реги-

страцию провели правильно, выбили оттиски, изображения также сделали очень точно»⁴. Знание инструкции и прохождение обучения — ключевые элементы, которые давали любителям возможность составлять это типа документацию. Объектов для описания было очень много, а в их инвентаризации должны были принимать участие сотни человек. Например, в Курске в 1916 г. был создан Постоянно действующий Кураторий (попечительский орган) по спасению колоколов⁵, в котором работала группа, состоявшая из нескольких десятков человек под руководством Дроздовского. Ее задачей было найти среди приблизительно 30 000 колоколов, происходящих с польских земель, и при возможности отделить их от остальных. Среди вовлеченных в эту работу людей находились как ученые из различных областей знаний, так и люди церкви, учителя, а также необразованные представители местной польской общечности. Важно отметить, что даже среди инициаторов этой акции не было историка колокололитейного дела, а в исследованиях на местах часто приходилось обращаться за помощью к случайным сотрудникам⁶.

Предпринятые отдельными организациями действия по документированию колоколов были очень обширными и состояли из нескольких задач. Итак, проводились опросы, касающиеся потерь, контролировались железнодорожные накладные, рекомендовалось собирать депозитные квитанции, выдаваемые военными властями, отчеты настоятелей приходов, информирующих местные курии о вывозе колоколов⁷, сведения, размещенные в печати, исторические источники в книгах и архивных материалах. Эти данные потом собирались и анализировались в местах нахождения польских организаций попечения о памятниках старины в Санкт-Петербурге и Москве⁸. Первоначально составлялись табельные выписки об инструментах, основанные на железнодорожных списках и реестрах, предоставленных гражданской администрацией⁹, а также списки объектов, которые составлялись на основании

⁴ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 22. Л. 12, *J. Żyskar*. Sprawozdanie pierwsze Ekspedycja Ratownictwa Dzwonyw, dnia 2 maja 1917.

⁵ Постоянно действующие куратории организовал Московской отдел в местах хранения особо большого количества колоколов, которые постоянно нуждались в надзоре.

⁶ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 161. Л. 8, *J. Żyskar*. Sprawozdanie list 3, Mceńsk, 6 września 1916.

⁷ См.: Варшава, Архив Национального института наследия (NID). Папки Лопациньского. Материалы к: «Колокола на провинции в Литве — Записки Бренштайна». Без шифра. Л. 26.

⁸ Петербургский кружок Общества попечения о памятниках старины в Варшаве и Отдел попечения о памятниках старины при Польском комитете в Москве.

⁹ Напр.: ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 159.

собственных наблюдений на железнодорожных станциях¹⁰, рукописные¹¹ или составленные на пишущей машинке записки с данными, касающимися отдельных колоколов, снабженные регистрационным номером в пределах отдельных складов. Последние были формой, опережавшей создание инвентаризационной карточки, разновидностью ее черновика¹². Заключительным этапом сложного документационного процесса было заполнение при объекте специально подготовленных регистрационных карточек¹³.

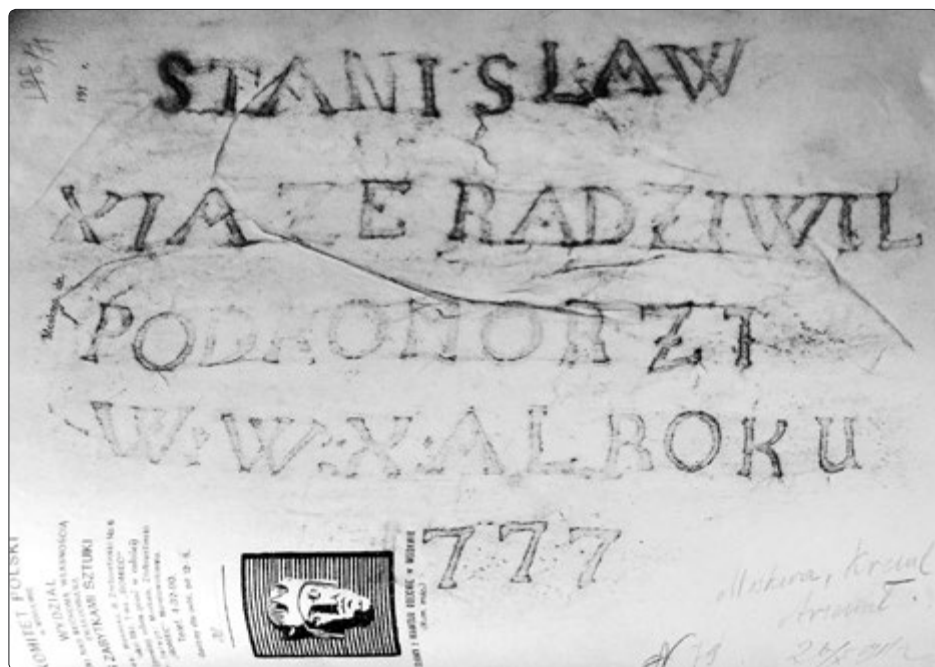
Листы инвентаризационного бланка, которыми снабжались все лица, ведущие работу на местах, имели формат, приближенный к В5, и содержали информационные поля, характерные для трех видов документов: музейной инвентарной карточки, официальной адресной информации, депозитной квитанции. Следует подчеркнуть, что схема этого бланка была хорошо продумана, а практический формат давал возможность заполнять его в трудных условиях на местах и отлично подходил для архивизации и составления копий. Среди преимуществ принятой регистрационной схемы (бланка, который заполнялся согласно инструкции) следует, прежде всего, указать на принятие единой для всей территории России нумерации объектов. Итак, первый этап документирования состоял в присвоении очередного не повторяющегося в пределах всей акции регистрационного номера, который записывался на бланке и краской наносился на колокол. Дополнительно на колокол наносилось кириллицей сокращенное наименование Комитета по оказанию помощи жертвам войны гражданам Царства Польского с местом нахождения в Москве, который играл роль владельческого знака. Следует помнить о том, что колокола перемещались не один раз, поэтому это был необыкновенно существенный элемент, тем более, что эта система охватывала регистрационные акции, проводимые независимо в отдаленных друг от друга населенных местах. Уже этот аспект указывает на сложность функций, которые должны были исполнять подготовленные формы, которые не ограничивались лишь классической инвентаризационной карточкой исторического объекта, а должны были быть инструментом, необходимым для идентификации отдельных объектов и доказательством при будущей реституции.

¹⁰ Напр.: ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 29. Л. 12.

¹¹ Напр.: ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 26. Л. 12.

¹² Напр.: ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 26. Л. 44. Komitet Polski w Moskwie. Wydział Opieki nad Zabytkami.

¹³ Большая часть (около 9 000 шт.) одного из наборов этих карточек хранится в Вильнюсе: Вильнюс, LVIA, F 279, оп. 21, № 498.

Рисуночная копия колокола № 79, который хранился в Московском Кремле, на бланковой бумаге Московского отдела. 20.10. 1916. ГАРФ. Ф 5151. Оп. 2. Д. 26. № 71

Многообразное значение ведущейся таким образом регистрации отражают также прочие поля, находящиеся на бланке. Итак, инвентаризатор, с одной стороны, должен был отметить всю возможную полученную информацию о происхождении колокола (губерния, город/село, приход) и обстоятельствах эвакуации, получить официальное подтверждение со стороны ответственного за него российского официального подразделения, касающееся места его складирования, а, с другой стороны, подробно определить его размеры, описать или составить опись находящихся на нем надписей и плакетов, отметить боек и существование крепительных элементов, определить сохранность и время создания инструмента. Как видно, собиралась также подробная информация исследовательской и научной ценности. Следует, однако, подчеркнуть, что были упущены такие элементы как: способ подвески и привода колокола, попытки определения ценности его музыкального тона, связи с другими колоколами, с которым он мог бы составить возможное гармоническое соединение (созвучие). Вероятно, по техническим причинам и из-за недоступности простых алгоритмов расчета приблизительного веса на основании размеров объекта на бланках очень часто не указывался даже

оценочный вес колокола. Трудности вызывала также правильная запись брахиграфических элементов, таких как: надписи, заставки между словами, анклавы, контракции, суспензии, часто не отмечались лигатуры, индивидуальные погрешности в рисунке букв, высота знаков, не доопределялись способы выполнения надписей (рельеф, гравировка, наложенный плакет).

Одно из полей на листе бланка было предназначено для отметки числа выполненных во время инвентаризации оттисков (с указанием их типа), фотографических снимков и рисуночных изображений. Они должны были составлять неотъемлемый элемент документации и им присваивались номера идентичные номерам зарегистрированного колокола. На сохранившихся кальковых копиях и карточках часто встречается, что кроме записи инвентаризационного номера находится на них печать подразделения, ведущего регистрацию, приложенная с целью подтверждения достоверности.

Что важно, таким образом заполненные на местах бланки собирались, проверялись и приводились в порядок в месте нахождения осуществлявшего координацию за этими работами Отдела попечения о памятниках польского искусства и старины при Польском комитете в Москве. По этой причине на них находятся две подписи: лица, заполнившего бланк, и лица, ответственного за его верификацию. Следует помнить, что бланки часто заполнялись торопливо, иногда людьми без опыта, по этой причине встречалось много ошибок. Поэтому очень важной была роль человека, контролировавшего создание карточки, а также принцип составления на ее основании не менее двух рукописных копий.

Упорядоченные бланки были элементом более крупного архива, сгруппированного по тематическим папкам, касающегося культуры и искусства и расположенного, как упоминалось выше, в Москве¹⁴. Там была создана организационная база, а также база научной помощи для акции, комплектовалась информация, собранная самыми разнообразными методами, составлялись по ней указатели, списки епархиальные, железнодорожные и т. п. Например, Порядковый список охватывал 87 мест складирования колоколов, а составленные оттиски и отпечатки деталей (их вторые копии?) помещались дополнительно в трех сводных толстых папках¹⁵, которые не были, очевидно, единственным местом, в которое попала иконографическая документация¹⁶.

¹⁴ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 196. Skorowidz teczek TONZ w Moskwie.

¹⁵ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 223. Porządkowy spis kart roboczych.

¹⁶ Свидетельствует об этом найденная папка: Odciski z ciekawszych dzwonyw w Arsenale Kreml X 1916. ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 26. Л. 160–186.

KOMITET POLSKI ROSKWIE		Dzwon znajdujący się w <i>Moskwa</i> powiat <i>gub.</i>	
# 5173.		Nº 50.	
WYDZIAŁ OPIEKI NAD ZABYTKAMI		ewakuowany z parafji <i>Wiedana</i> powiat <i>gub.</i>	
Znaki i napisy parafji <i>Риздванская церковь на Волосинской стороне.</i>	gdzie?	<i>u wka</i>	
	czem?	<i>atramentem</i>	
	gdzie?		
	czem?		
Znaki i napisy władz	gdzie?		
	czem?		
	gdzie?		
	czem?		
Wymiary (cm.) obwód dolny <i>161</i> obwód górny <i>średnica</i> wysk. do ucha <i>43</i>			
Stan uszkodzenia			
Czy ma?	jarzmo <i>tak</i>	ucho <i>tak</i>	serce <i>nie</i>
Napisy odlane <i>у ч у а и и ф т у о у к с а и</i>			
Charakter liter (gotyk czy inny) <i>gotyk</i>		wiek pochodzenia	
Opis i ilość płaskościan			
Ilość i jakość odlewów		Data rejestracji <i>1/11-1917</i>	
Ilość zdjęć fotograficznych		Podpis rejestrującego <i>Janin.</i>	
Ilość zdjęć rysunkowych			
UWAGA. Napisy należy wykonać dokładnie, a rysunki wiernie z naturą. Potrzebne uzupełnienia dla których np. niema rubryk, wypisać na odwrotnej stronie kartki.			

Регистрационная карточка с рисуночной копией надписи на колоколе № 5173, заполнена 01.08.1917 в Москве. Вильнюс. Ф-279. Оп. 21. Д. 498

В Отделе, кроме того, велся указатель всех найденных колоколов, составленный в алфавитном порядке по приходам и повятам (районам), из которых они происходили. Что важно, этот мощный архив уже в момент создания мультиплицировался, а необходимым современным на то время инструментом, который использовался в офисной работе, был чернильный множительный аппарат, называемый гектографом или шапирографом. Копии инвентаризационных материалов по соображениям безопасности хранились в разных местах: в месте нахождения Отдела, в постоянно действующих кураториях, у отдельных делегатов, проводивших регистрацию на более маленьких складах¹⁷. Это свидетельствует о том, что документационной акции придавалось огромное значение, а ее организаторы предусмотрели разное развитие событий.

¹⁷ В рамках проведенной в последние годы поисковой работы и запросов в архивы всего было найдено почти 10 000 регистрационных карточек и свыше 1 500 примеров сопровождающей их визуальной документации.

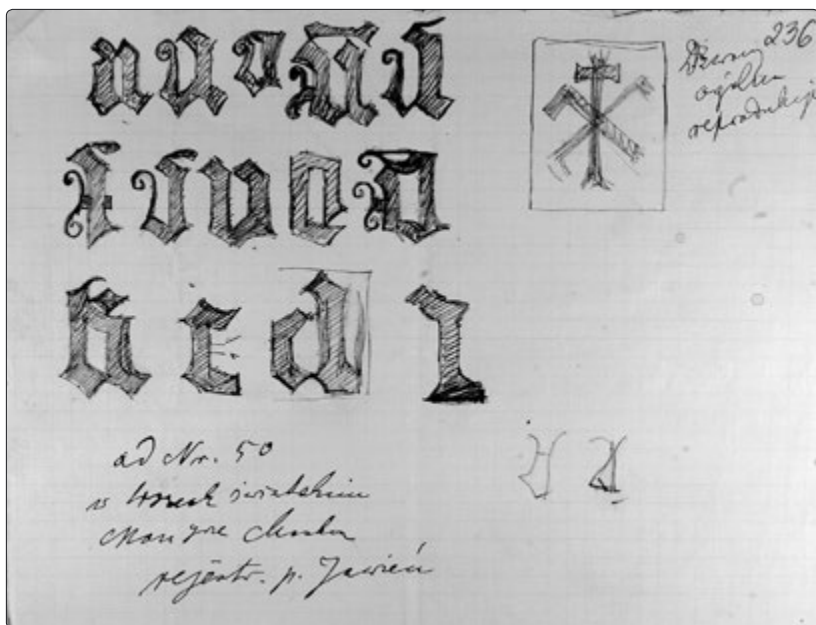
KOMITET POLSKI W MOSKWIЕ		Dzwon znajdujący się w <i>Moskwa</i>		powiat <i>Województwo warszawskie</i>		gub. <i>N° 5</i>	
WYDZIAŁ OPIEKI NAD ZABYTKAMI.		blizary adres <i>pod gips 1</i>		powiat		gub.	
Znaki i napisy parafji		gdzie?		czem?		waga	
Znaki i napisy władz <i>wysozkowych</i>		gdzie?		czem?		waga	
Wymiary (cm.) obwód dolny <i>112</i>		obwód górny <i>86</i>		wysok. do ucha <i>33</i>			
Stan uszkodzenia <i>silna pęknięta</i>		Czy ma?		jarzmo		ucho	
Napisy odlane <i>Anna Domini 1782</i>		Czy ma?		jarzmo		ucho	
Charakter liter (gotycki czy inny) <i>gotycki</i>		wiek pochodzenia					
Opis i ilość płaskorzeźb <i>rytyn ornament</i>		Data rejestracji <i>24/VIII</i>		Podpis rejestrującego <i>Tommas</i>			
Ilość i jakość odlewków <i>pod gips</i>		Ilość zdjęć fotograficznych <i>0</i>		Ilość zdjęć rysunkowych <i>0</i>			

UWAGA. Napisy należy wykonać dokładnie, a rysunki wiernie z naturą.
Potrzebne uzupełnienia dla których np. nie ma rubryk, wypisać na odwrotnej stronie kartki.

Регистрационная карточка с рисуночной копией декора колокола № 5490, заполнена 24.08.1917 в Москве. Вильнюс. Ф-279. Оп. 21. Д. 496

Параллельно учет колоколов хотел вести Петербургский кружок Общества попечения о памятниках старины, первоначально претендовавший на право быть ведущим польским центром в России, занимающимся делами польского искусства и старины. Документом, инициировавшим акцию сбора информации о транспортных средствах с произведениями искусства, эвакуированных с польских территорий, было письмо № 453 Кружка, напечатанное в октябре 1916 г. под знаменательным заглавием: Спасение произведений польского искусства и старины на железных дорогах. Инструкция для господ делегатов спасательных организаций. В течение последующих месяцев Боравский, член правления кружка, создал Схему для регистрации колоколов, вывезенных российской военной властью в 1914–1917 гг., предназначенную для I отдела ликвидационной комиссии по делам Царства Польского¹⁸. Предложенная им программа документиро-

¹⁸ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 29. Л. 11. Komisja Likwidacyjna do spraw Krylestwa Polskiego. Schemat dla rejestracji Dzwonów Wywiezionych przez rosyjską władzę wojenną w latach 1914–1917.

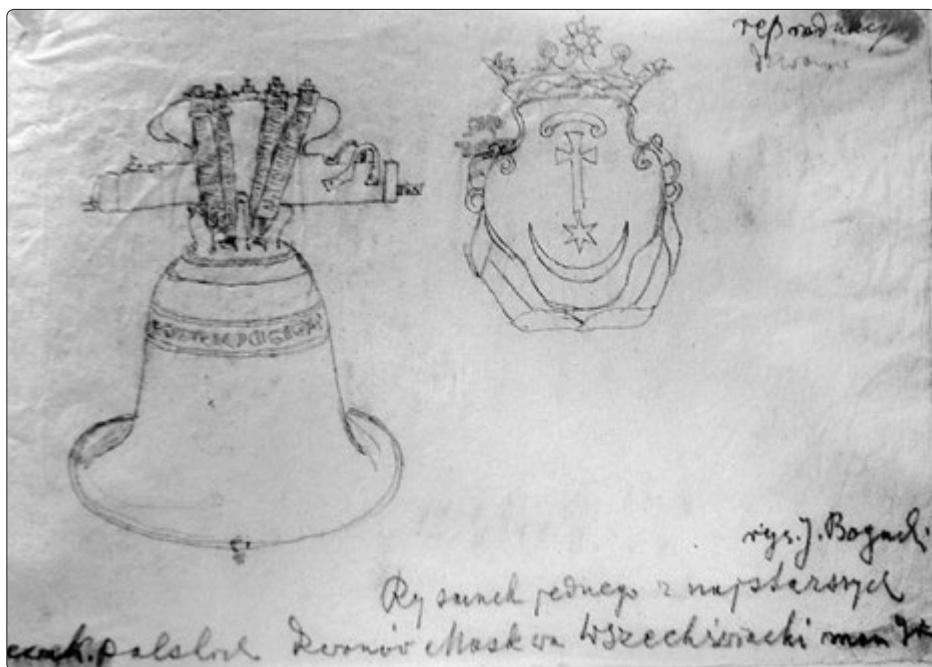
Рисуночная копия надписи на колоколе № 50 во Всехсвятском монастыре Москвы, из папки «Колокола. Общие репродукции». Регистровал госп. Явень. Вильнюс. Ф-279. Оп. 21. Д. 498

вания колоколов была основана на нескольких элементах: сборе логистической информации, описании объекта согласно схеме формы, приложенной к инструкции, а также фотографировании колоколов целиком, их деталей, а также составлении рисунков, копий на кальке, оттисков в воске «гербов, изображений и орнаментации». Планируемые мероприятия не были реализованы в масштабах широко задуманной акции, а ограничились только работой на одном складе в петербургской Петропавловской крепости.

ТЕХНИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ КОЛОКОЛОВ

В подписях под гравюрами, фотографиями, рисунками или картами часто появляются такие определения, как «снимок», «отливка, снятая с фигуры», «снять надпись с таблицы», «изображение правдивое, снятое с подлинника», «снятая система дорог», «обмер снял архитектор...». По словарю Самуэля Линде (1860), определение «снимок» должно означать «охватывание чего-л.», «овладение чем-л.»¹⁹. Всякие техники, имеющие целью реги-

¹⁹ Linde S. B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 986; приведенные примеры относятся, например, к формулировкам: «сердце мое страх снимает (охватывает) страх», «снятый (охваченный) любопытством посмотреть лагерь».

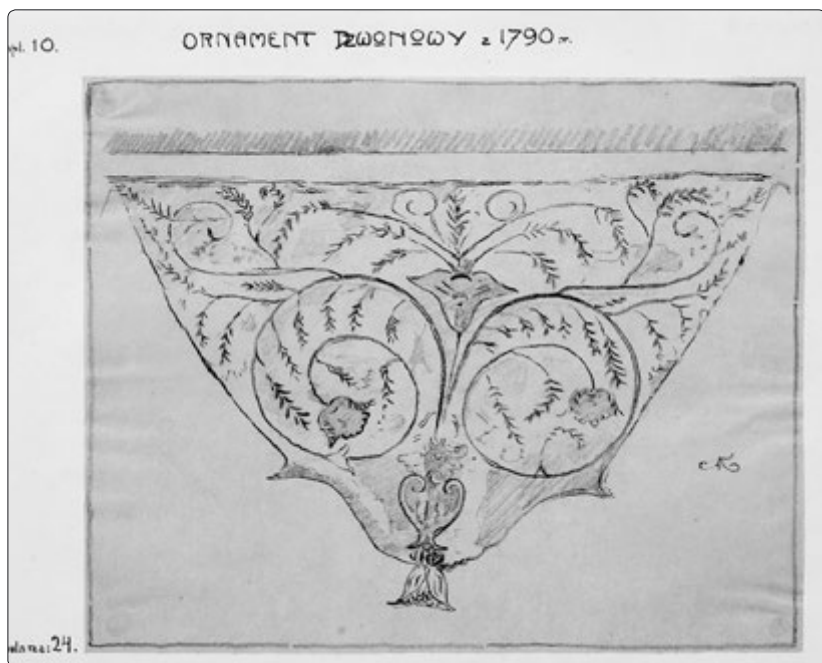

Рабочий рисунок колокола, который хранился во Всехсвятском монастыре в Москве. Выполнен И. Богуцким. ГАРФ. Ф 5151. Оп. 2. Д. 48

страцию, фиксирование, отметку и «стать бессмертным» можно было тогда уточнить именно словом «снимок». Итак, под словами «снимок/снятие» скрывались также термины, определяющие любые документационные техники, как двухмерные, выполненные в уменьшенном масштабе (фотография, рисунок) и в масштабе 1:1 (копии на кальке), как и трехмерные (оттиски, гипсовые отливки).

Для выполнения визуальной документации колокола с помощью техник, указанных в Инструкции и Схеме, не надо было иметь специальной подготовки. Что важно, большинство этих техник не нуждалось в дорогих и трудных для приобретения материалах. «В Костроме мы приобрели сантиметры по 20 копеек»²⁰ — так была отмечена покупка наиболее популярного инструмента каждого регистратора: мерки. В архивных материалах встречается информация также о расходах на кисти, красную краску, бумагу, тушь, копирку, оплату за распечатывание фотографий, за выполненные фотоснимки —

²⁰ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 22. Л. 43. J. Żyskar, Sprawozdanie pierwsze Ekspedycja Ratownictwa Dzwonyw, 2 maja 1917.

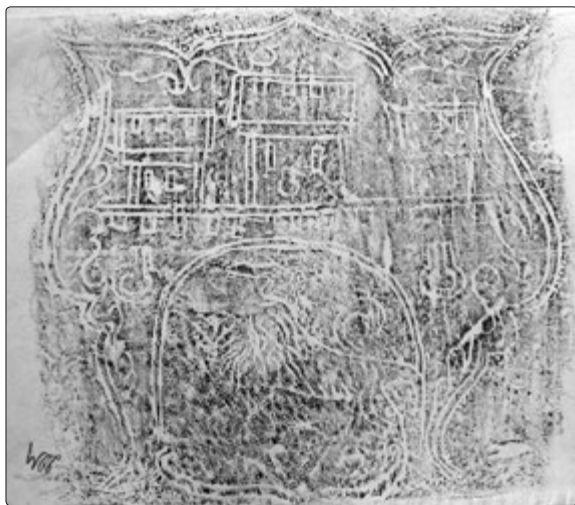

*Кабинетные рисунки, выполненные автором монографии в А. К. в Курске. 1916.
Ополе, Архив консерватора памятников, нет инв. номера*

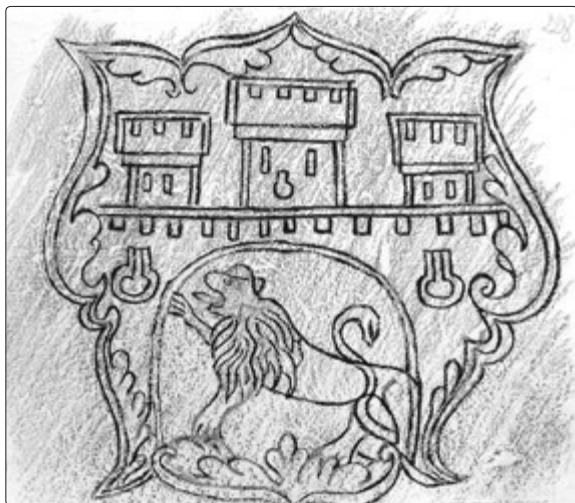
как видно, арсенал примененных средств был более чем скромный. Во многих случаях пользовались просто листком бумаги и карандашом, мелом или куском угля. Информацию о получении изображений описанного объекта следовало отметить в представленном выше регистрационном бланке. Это были следующие поля: «количество фотоснимков, количество и вид оттисков, количество рисуночных изображений». Ниже представлены техники, которые могли быть использованы в то время для составления иконографической документации колоколов как во время военных инвентаризационных акций, так и в музейной и экспозиционной практике тех времен.

Рисунок

Рисунок — древнейший метод документирования колоколов. Рабочие рисунки обычно выполнялись карандашом, а затем в кабинетных условиях они обрабатывались более точными и трудоемкими техниками: чернилами, тушью или акварелью. Рисунок давал возможность для разработки инвентаризационных схем и моделей, в которых могли пропускаться подробности (например, покрывающие их загрязнения или шершавость поверхности), не

а)

б)

в)

Кароль Бадецкий. Герб Львова — гравированный декор орудия. Львов.

а) Карандашная копия на кальке;
б) Оттиск подкрашенный чернилами;

в) карандашная копия на кальке с контурами, подчеркнутыми цветным карандашом.

Львов, Библиотека Стефаника.
Ф-138. Оп. 1. Д. 39

имеющие значения для определения типа колокола, времени его создания, а применение единого масштаба позволяло потом производить, например, типологические сопоставления. Дополнительно, применяя эту технику, можно было простым образом соединить изображение с описательным комментарием, касающимся, например, размеров или места хранения²¹.

С употреблением рисуночных техник документировались также надписи на плащах колоколов в масштабе 1:1. В пункте 14 упомянутой инструкции обсуждаются следующие способы ведения регистрации: «рельефы и надписи не очень кругло выпуклые можно замечательно

Кароль Бадецкий. Герб Львова — гравированный декор орудия, Львов. Ротогравюра в качестве иллюстрации статьи К. Бадецкого. Львов, Библиотека Стефаника. Ф-138. Оп. 1. Д. 39

копировать, прикладывая к ним бумагу возможно маложесткую и потирая ее карандашом, кусочком кожи (бумаги) для растушевки или стороной копирки с красящим слоем». Это был наиболее популярный способ «снятия» изображения. В зависимости от техники выполнения декора (орнамента) или надписи на данном объекте можно было получить фрагмент (отпечаток) в негативной или позитивной версии, где информация была или обозначена

²¹ ГАРФ. Ф 1769. Оп. 1. № 217. Zespył rysunków ornamentów dzwonowych. Рисунки имеют печати /штампы «Польское общество попечения о памятниках старины и культуры в Москве / раньше Отдел попечения о памятниках старины Польского комитета. / ул. Мясницкая, /офис / тел. № / №». Это примечание, а особенно информация о печатях /штампах, не имеет никакого отношения к предложению, после которого оно вставлено. Если в этой группе находятся рисунки, уложенные такими типологическими группами, то можно об этом упомянуть, не нужно, но можно. Какое отношение к этому имеют печати — не знаю.

на бумаге красителем, или, наоборот, закреплена на поверхности, не содержащей пигмента. Эта техника тогда применялась также для документирования предметов, изготовленных из материала, естественно лишенного цветовых или тональных свойств, наиболее характерной чертой которых является рельеф (монеты, печати, граффити).

Составлялись также копии рисунков на кальке, копировальной бумаге, пергаменте, тонкой или пропитанной жиром бумаге. При документировании выпуклых элементов колоколов использовались также техники припороха (трафарета), состоящие в выполнении булавкой или другим острым предметом ряда отверстий, на основании которых на другом листе бумаги создавался документационный рисунок. Следует также упомянуть метод документирования надписей, основывающийся на употреблении надписи в качестве печатной формы (матрицы). На нее наносили валиком типографскую краску, а затем отпечатывали путем ручного притискивания очередных фрагментов замкнутой ленты бумаги. Эффектом было изображение полной окружающей надписи в натуральном масштабе, дополнительно дающейся потом развернуться. Эта техника применялась редко и не всегда с хорошим результатом. Условием получения соответствующего отражения каждой матрицы является ее равномерно гладкая поверхность, что в случае отливок колоколов встречается очень редко.

Фотография

До начала войны фотографическая документация колоколов составлялась крайне редко. К примеру, в фотографическом архиве варшавского Общества попечения о памятниках старины, который в основном был посвящен церковным зданиям, нет ни одного изображения колокола того периода. Отсутствие соответствующего освещения, трудный доступ к высоко подвешенному инструменту, а прежде всего лишенный документационных черт характер возможного представления на снимке — с лягушечьей перспективы — приводили к тому, что такого типа объекты упускались в ходе инвентаризации церковных ансамблей. Военная эвакуация, в результате которой они стали более доступными, повлияла на изменение такого положения вещей. Однако следует помнить, что тяжелые, иногда крупных размеров инструменты складировались один на другом, характеризовались темной, однородной колоритностью, а вдобавок бывали настолько загрязненными, что невозможно было прочитать надписи, находящиеся на их поверхностях. Иногда они хра-

нились в сараях без освещения. Самой большой проблемой было их количество — обширные т.н. «колокольные поля» насчитывали иногда по несколько или даже более десяти тысяч объектов. Дополнительно всегда надо было хлопотать о получении согласия на выполнение этого типа документации²², так как фотографирование в военных условиях было регламентированным²³. Следует также упомянуть о немалой стоимости этого типа документации и ограниченном в тогдашней действительности доступе к фотоаппаратам, пленкам, фотобумаге и другим необходимым материалам.

Инструкция рекомендовала использование фотографии для документирования исторических колоколов, т.е. изготовленных не позднее начала XIX в., а также имеющих готическую лигатуру, требующую опыта при ее чтении и составлении копий. Более того, она рекомендовала также выполнение нескольких снимков одного объекта так, чтобы наиболее точно фиксировать находящиеся на нем надписи, плакетки и прочие детали.

В тогдашней ситуации эти рекомендации были идеалистическими, оторванными от действительности. С одной стороны, они определяли более профессиональную, чем реальную инвентаризационную акцию, которая про-

Рабочая фотография колокола. На колоколе владельческий знак Польского комитета в Москве и цифра, начинающая регистрационный номер. 1915–1916. Собрание автора

²² ГАРФ. F 5115. Оп. 2. № 129. Л. 6. Записка от 8 V 1916, relacja pana Mickiewicza z Siewiero; «Право фотографировать в окрестностях Глубокого должен оформить Богдановский, он едет туда 28 V 1916».

²³ ГАРФ. F 5115. Оп. 2. № 129. Л. 5. Вырезка из «Gazeta Polska» от 24 V 1916. «Запрет делать фотоснимки. Главный начальник Минского военного округа издал запрет делать фотоснимки за пределами квартир. За несоблюдение вышеуказанного угрожает наказание крепостью до 2 месяцев или штраф 3000 р[у]б[лей]».

Рабочая фотография плакета на неидентифицированном колоколе. ГАРФ. Ф 5151. Оп. 2. Д. 48

водилась при скудных финансовых средствах, под давлением времени и выполняемая любителями. Организация фотомастерской, наем носильщиков, которые подготовили бы колокол для фотографирования под разными углами с разных сторон, опись и архивизация негативов, выполнение фотоснимков с негатива — эти действия нуждались в технических и финансовых средствах, участии большого количества людей и,

конечно, требовали времени. А, с другой стороны, рекомендации инструкции имеют очень непрофессиональный характер, так как в них отсутствуют указания, типичные для других этого типа документационных рекомендаций, чтобы, например, отделить колокол от окружения с помощью фона и поместить при нем мерку, или тех, которые касаются способов кадрирования.

По этой причине в письмах и отчетах членов экспедиций больше упоминаний о встреченных ими трудностях и препятствиях, чем о фактически сделанных photographиях. Жискар, например, только раз отметил photographии колоколов в окрестностях Сновска²⁴, а, описывая инвентаризационные работы, проведенные в Костроме, сожалел об отсутствии фотоаппарата²⁵. То же самое можно сказать о сохранившихся до наших дней немногочисленных фотоснимках, которые часто охватывают большую группу инструментов²⁶. Это явное нарушение рекомендаций было, конечно, продиктовано финансовыми

²⁴ ГАРФ. Ф 1769. Оп. 1. № 20. Л. 2. Sprawozdanie z wycieczki do Snowska i Kamki Libawo-Rom. Kol. Żelazanej Delegata W[ydziału]. O[pieki] [nad] Z[abytkami] księdza Jyzefata Żyskara od dnia 21 do 24 lipca 1916 roku.

²⁵ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 22. Л. 43. J. Żyskar. Sprawozdanie pierwsze Ekspedycja Ratownictwa Dzwonów, 2 maja 1917.

²⁶ Схема этого подхода применялась, например, в Западной Галиции: поставленные перед кадром инструменты получали номера, которые развешивались на позитиве photographии.

и практическими причинами, а документация, составленная согласно Инструкции, состоящая из нескольких фотографий одного объекта, сделанных с разных сторон, попадаетея очень редко.

На этом фоне выделяется альбом, сделанный заведующим регистрацией колоколов в Курске Дроздовским²⁷. Очередные фотографии показывают сам акт регистрации и его среду, являясь примером «авторефлексии» над процессом фотографирования и документирования²⁸.

Резьба

Среди техник, которыми пользовались при визуальной регистрации колоколов, была также резьба. Формы, вырезанные из дерева, отражающие вид корон или плакетов, выполнялись крайне редко. Тем не менее, при попытках организации временных выставок или постоянных экспозиций, посвященных литейному делу, такие документации создавались. Еще реже пользовались этой техникой при формировании редукционных моделей или копий колоколотейных объектов²⁹. Недостатки и преимущества ее применения почти идентичны с теми, которые выступают при рисунке, причем значительно более требовательным является хранение этого типа документации.

Оттиски

В инструкции рекомендовалось, чтобы рядом с фотографиями и рисунками делать «оттиски рельефов и гербов в пластилине или, в случае его отсутствия, в угнетенном хлебе сделанные». Наиболее простым методом получения этого трехмерного отражения было тщательное прижатие намоченного толстого и в меру мягкого листа бумаги или промокательной бумаги к пластичному элементу колокола (надписи, плакет). Для этой цели можно было также использовать ткань, однако в этом случае необходимо было применение фиксатора, например, столярного клея. Более пластичные изображения можно было получить в результате применения техники папье-маше. Бумажная масса была относительно дешевой, а ее приготовление и применение возможны почти в любых условиях. Достаточно было разварить и растереть

²⁷ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 127. Album H. Drozdowskiego.

²⁸ Другими характерными фотодокументами были снимки, показывающие самую акцию реквизиции и иллюстрации статей в печати, ей посвященных.

²⁹ «Старые и новые резаные в дереве фигурные позитивы» описывает, в частности, Borawski A. O ludwisarstwie i dzwonych w Polsce, Kraków, 1921. S. 6.

Оттиск из папье-маше колокола 1618 г. // Borawski A. *O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce*, Kraków, 1921

Бумажный оттиск орнамента на колоколе 1771 г., происходящем из костела в г. Груец, выполненный Боравским в Петербурге. 1917–1919. // Borawski A. *O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce*, Kraków, 1921

Оттиск из папье-маше колокола 1751 г. // Borawski A. *O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce*, Kraków, 1921

бумагу, которая после добавления небольшого количества мела и клея составляла пластичную массу, прикладываемую, например, на вымытый плакет колокола. Преимуществами этой техники были также возможность изготовления большого количества бумажной массы «про запас» (добавление теплой воды возвращает консистенцию, пригодную для моделирования) и небольшой вес полученного таким образом оттиска, что облегчает его транспортировку и хранение. В случае отсутствия этого материала оттиски можно было также делать с помощью пластилина, хлебного мякиша, сложенной во много слоев промокательной бумаги или воска.

Оттиски могли также быть из-за своей непрочности и трудности в хранении только одним их этапов документации. Затем можно было умело сделать их фотографию при хорошем освещении под острым углом, что да-

вало возможность показать не только детали, но также и пластичность рельефа.

ГИПСОВЫЕ ОТЛИВКИ

Упомянутые выше оттиски служили также в качестве формы для изготовления позитивных гипсовых отливок, причем можно было сделать больше, чем одну отливку из каждой матрицы³⁰. Конечно, к этому материалу обращались также для того, чтобы делать из него первоначальную форму — негатив, а после ее высушивания и импрегнирования внутренней поверхности она вновь заполнялась гипсовой массой и, таким образом, создавалось изображение декора колокола — позитив. В ходе изготовления гипсовой отливки применялись обычные практики ее укрепления другими материалами, помещались прочные подвески, в случае необходимости их красили и патинировали. Отливки целых инструментов изготавливались *de facto* редко, они должны были быть использованы в основном в целях экспозиции: при помощи таких гипсовых копий можно было, например, показать меняющуюся толщину плаща колокола.

Оттиск гербового плаката Чарторийских на колоколе 1774 г. происходящем из костела Святой Анны в Вилянове, выполненный Боравским в Петербурге. 1917–1919. // Borawski A. O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce, Kraków, 1921

Сбор осколков

Крайним примером сохранения и коллекционирования колокололитейного наследия во время войны было комплектование фрагментов, имеющих художественную или эпиграфическую ценность, так как в особых случаях ин-

³⁰ Trojanowska M. Ślad po dzwonach zarekwirowanych przez Austriaków w czasie I wojny światowej: zbiór plaket gipsowych w Muzeum Narodowym Ziemi Przemyskiej, w: *Odlewnictwo...* С. 179–189.

струменты разрезались на части. Организаторы документирования польских колоколов в России рекомендовали в таких случаях даже продажу «осколков колоколов, что должно было дать чрезвычайную прибыль и усовершенствовать акцию по колоколам», с оговоркой, сохранять и комплектовать фрагменты, содержащие плакетки и надписи³¹.

ВИЗУАЛЬНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В КАЧЕСТВЕ МУЗЕЙНОГО ЭКСПОНАТА

Еще во время войны появились идеи и инициативы использования иконографического материала, составленного в период инвентаризации, и предоставления доступа к нему в выставочных учреждениях, таких как Музей литейных работ³² или Музей колоколов в Саратове³³, открытие которых было запланировано. Интересным было предложение вышеупомянутой петербургской организации попечения о памятниках искусства и старины о создании именно в столице будущего польского государства специального Музея польских колоколов. Архиепископ Эдвард Ропп дал на это свое одобрение, а заодно разрешил не только изготовление их «отливок, оттисков, инвентаризацию, фотографирование и опись», но также при согласии отдельных приходов и прием в музейные фонды исторических колоколов, разбитых или поврежденных во время эвакуации³⁴. Боравский представил проект о создании в Кракове похожего музейного подразделения с целью объединения достижений и опыта всех организаций и подразделений, занимающихся регистрацией колоколов на землях всех трех частей разделенной Польши³⁵.

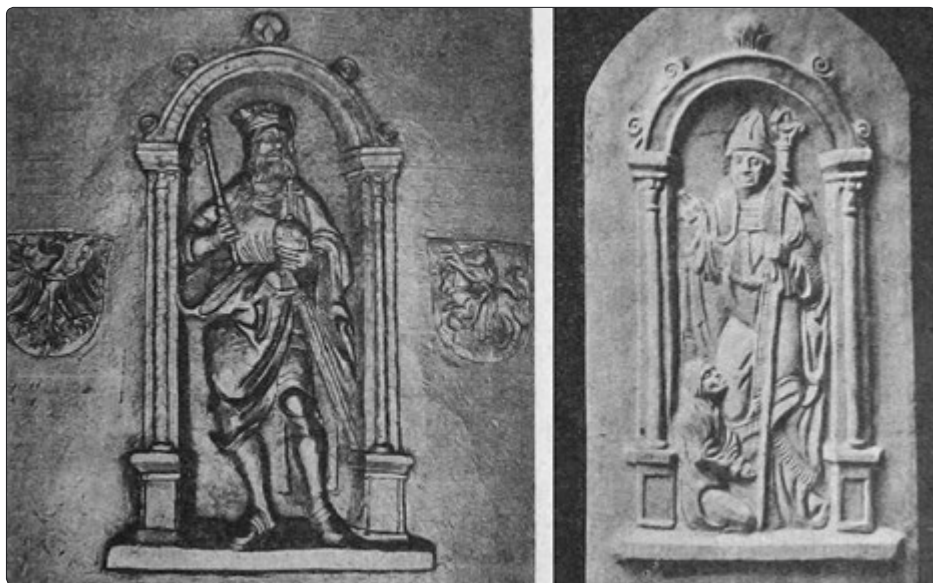
³¹ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 153. Л. 15. List polskiego TOnZP w Moskwie, dawniej wydział O[pieki]. n[ad] zabytkami przy KP przy Miałnickiej lokal Lilpopa z Moskwy 12 VIII 1918 roku, do Holowni Władysława w Kursku.

³² ГАРФ. Ф 5115. Оп. 1. № 165. Л. 268. «Петроградский кружок стремится к тому, чтобы в связи с большим количеством колоколов в России создать из них новый Музей колоколотейных работ [...]. Были уже такие предложения с российской стороны и надо это организовать, пока колокола на родину не вернуться».

³³ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 122. Л. 212. List do Komisariatu Polskiego w Saratowie 19 V 1919 (Письмо польскому комиссариату в Саратове от 19.V.1919: «относительно создания в Саратове музея польских колоколов, имеющих историческую или художественную ценность тов. Липиньский от нашего имени выразил энергичный протест».

³⁴ ГАРФ. Ф 5115. Оп. 2. № 12. Выписка из «Dziennik Narodowy», 19 IV 1918. № 173.

³⁵ Borawski A. O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce, Kraków 1921.

Фотографии плакета и гипсовой отливки с плакета на колоколе Сигизмунд (Zygmunt) в Вавельском Кафедральном соборе в Кракове // Borawski A. *O ludwisarstwie i dzwonach w Polsce*, Kraków, 1921

Представленный выше анализ показывает, по моему мнению, богатство способов, техник, экспериментов и попыток стандартизации методов составления иконографических документов, которые в результате должны быть материальным и трехмерным отражением предмета. Превосходной иллюстрацией деятельности лиц, регистрировавших колокола во время войны, была экспозиция, подготовленная Каролом Бадецким во Львове в 1919 г., представляющая разнообразные техники проведения документирования колоколов на территории, находившейся в подчинении Австро-Венгрии³⁶. Обществу, действующим на территории России, не удалось подготовить похожего мероприятия, более того, собранный материал не был тогда обнаружен.

В кампанологической письменности в двадцатилетии между Первой и Второй мировыми войнами вопрос организации общепольской программы регистрации колоколов, а также методов их визуального документирования, почти не затрагивался. До 1923 г. в высказываниях лиц, вовлеченных в военную регистрацию колоколов (К. Бадецкий, А. Боравский, Е. Ремер)³⁷, еще

³⁶ Каталог этой выставки вышел годом позднее: *Badecki K. Wystawa zdobnictwa ludwisarskiego w Muzeum Narodowym im. Kryla Jana III Sobieskiego we Lwowie*. Lwów 1920.

³⁷ *Badecki K. O przyszłe nasze ludwisarstwo. «Nowa Polska»*. 1919. R. 1. № 4. С. 3; № 5. С. 6; № 7. С. 5–6. *Borawski A. Dzwony zmartwychwstałej Polski, «Wiara i Czyn»* [b r.w.], № 7.

Хенрик Дроздовский с товарищем внутри колокола зарегистрированного в Постоянно действующем Куратории по спасению колоколов в Курске. Осень 1916 (?). ГАРФ. Ф 5151. Оп. 2. Д. 27

звучат слова, обращающие внимание на проблему профессиональных исследований колоколотейного дела. Однако позднее этот вопрос уже не поднимается. Опыт и наработки, касающиеся истории этой области ремесла и искусства периода военных действий, были полностью забыты.

Причина этого, может быть, лежит в отсутствии возможностей личного контакта с произведением. Парадоксально, что в трудных военных условиях исследователи и любители инвентаризационных акций имели неповторимый шанс не-

посредственно общаться с предметом и «помериться» с ним: должны были не только посмотреть, прикоснуться, потереть или взвесить, но также постоянно сравнивать с другими лежащими рядом инструментами. Фотография, на которой члены экспедиции в Курске сидят внутри колокола, не является для нас лишь шуточным следом в памяти, а четко отражает вовлеченность людей разных профессий, с разным образованием в акцию кампанологической документации.